

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 94 (57)

**Problems of the Autonomy and Independence of Unemployable Citizens
in Siberian Houses for the Disabled (1920–1930s)**

Alexander S. Kovalev

Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astafiev, Russia

Krasnoyarsk, A. Lebedeva st., 89, 660049

PhD (History), Associate Professor

E-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Abstract. The article, basing on the materials of Siberian archives, examines the problem of everyday life of the disabled person in houses for invalids (1920–1930s). Special attention is attached to the sexual behavior of unemployable people and its regulation. The author makes a conclusion that people with disabilities and senior people were actually deprived of independence.

Keywords: autonomy; the disabled; houses for the disabled; independence; sexual behavior; senior people.

Одним из актуальных вопросов при изучении проблем социального обслуживания в условиях стационарного учреждения остается сохранение автономии и самостоятельности лиц пожилого возраста и инвалидов. Для всех живых существ характерно стремление к достижению свободы и независимости, в основном за счет расширения территории. И эта потребность заметно обостряется, когда жизненное пространство человека искусственно ограничивается рамками «закрытого» учреждения.

Однако автономия – это основная надобность, и у некоторых людей возникает естественное чувство недовольства теми, кто оказывает им помощь. Независимо мыслящие инвалиды и пожилые люди могут с неприязнью относиться к самому факту помещения их в стационарное учреждение для нетрудоспособных, где они становятся зависимыми от персонала, и подобное обстоятельство может представляться им оскорбительным.

Автономия (независимость, самостоятельность) подразумевает свободу выбора, возможность самому управлять жизненными ситуациями, ставить перед собой такие же задачи, как и любой другой член общества. Независимая жизнь предполагает контроль над собственными делами, участие в повседневной жизни общества, принятие решений, ведущих к самоопределению и уменьшению психологической и физической зависимости от других.

Автономия предполагает ослабление зависимости от проявлений недуга и ограничений, им порождаемых, а также способности к полноценной жизнедеятельности. Независимая жизнь означает право и возможность выбирать самим, как жить – решать, что делать, с кем встречаться и куда пойти, будучи ограниченным лишь в той степени, в которой ограничены другие люди, не имеющие инвалидности.

В 1920-х гг. начинается становление государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей. Именно в этот период помещение нетрудоспособных граждан в специализированные заведения – инвалидные дома – оформляется в качестве основного направления их социальной защиты. Повседневная жизнь в таких учреждениях строилась на принципах «социалистического общежития», которые предполагали длительное совместное проживание инвалидов и стариков друг с другом в полуказарменных условиях, а также их беспрекословное подчинение правилам внутреннего распорядка, установленным руководством собесов и администрацией инвалидного дома.

Когда современные исследователи проблем инвалидности [1] рассматривают советскую систему социального обеспечения инвалидов, в качестве излюбленного

критического замечания они говорят о том, что подобная практика породила медицинскую модель социальной заботы. Эта модель традиционно рассматривает инвалидов и пожилых людей как беспомощных, нуждающихся в постоянном сопровождении людей, которые неспособны к самостоятельному приятию решений и независимому образу жизни. Однако работ, которые бы подтвердили или опровергли это утверждение, не существует. Исходя из этого, была определена цель настоящего исследования – изучить проблемы автономии, самостоятельности и независимости обитателей инвалидных домов в 1920–1930-х гг. на материалах сибирских архивов.

В предлагаемой статье автономия понимается, как возможность проживающего максимально реализовывать свои личные права на выбор и независимость, заниматься трудовой или любой другой деятельностью в свою пользу или пользу любого другого лица или учреждения, насколько им позволяет это делать их физическое и психическое здоровье, иметь право на собственное имущество.

Очевидно, что при требованиях к организации жизнедеятельности, прописанных в правилах внутреннего распорядка в инвалидном доме можно говорить только об ограниченной автономии инвалидов и пожилых людей. Тем любопытнее проследить, насколько их повседневная жизнь соответствовала предъявляемым этим правилам.

Получить определенное представление о том, что представляла собой повседневная жизнь в инвалидном доме для конкретного человека, может помочь опись вещей, принадлежащих безымянной женщине-инвалиду, проживавшей в Бердском инвалидном доме, составленной после ее смерти. После старушки остался маленький деревянный ящик, в котором хранились: старая юбка, три поношенные кофточки, две женских рубашки, две пары чулок и пара носков, одна варежка, вязаная шаль, моток бязи и недошитая бязевая сумка, старая щетка для одежды, чугунный утюжок, икона, поминальная книжка, перочинный нож, крючок, замок [2].

«Набор» можно считать традиционным для любого пожилого человека того времени, каждая вещь в котором говорит сама за себя. Вполне очевидно, что пожилая женщина была склонна к накопительству, уделяла повышенное внимание мелочам, которые, вероятно, имели для нее какое-то особое, понятное только ей значение. Несмотря на возраст, продолжала следить за собой и состоянием одежды. Об этом говорит то, что у нее была щетка для одежды, утюг, которым она пользовалась, и то, что все личные вещи оказались в хорошем состоянии. Старость свою женщина коротала вязанием (шаль была не казенной, а принадлежала женщине). Наконец, икона и поминальная книжка свидетельствуют о религиозности женщины, которая, безусловно, даже в обстановке всеобщего безбожия перед смертью не могла отказаться от веры.

Те, кто находил себе в инвалидном доме определенное занятие, кто сохранил работоспособность и занимался какой-либо трудовой деятельностью, были свободны и независимы если не внешне, то хотя бы внутренне, не ощущая сильного дискомфорта из-за того, что им пришлось переменить среду обитания. Для остальных же инвалидов вынужденная необходимость проводить все время в замкнутом пространстве, особенно для маломобильных инвалидов, приводила к многочисленным конфликтам. Так, в своей докладной окружному собесу о состоянии краевого дома-инвалидов Томские власти сообщали: «в палатах на койке инвалид проводит все время дня и ночи за неимением помещения, где бы он мог провести время и чем-либо развлечься» [3]. Далее следовал вывод о том, что в инвалидном доме «антагонизм между инвалидами... превзошёл все границы. Дело доходило до драк», которые регулярно устраивали инвалиды, несмотря на постоянные угрозы со стороны администрации об отчислении. Причиной таких конфликтов были, конечно, тяжелые условия проживания «беспризорных» инвалидов, которые были лишены в инвалидном доме самых элементарных прав [4].

Отсутствие белья, одежды, пищи вынуждало стариков зарабатывать попрошайничеством. И здесь уже сразу наблюдаются два нарушения – самовольный выход из учреждения за «нетрудовыми заработками» и само по себе нищенство. Проблема свободного перемещения инвалидов, возможность беспрепятственно покинуть инвалидный дом и возвращаться обратно также относится к вопросу об их независимости. Нередко заведующие без всяких причин, не объясняя своего решения, просто запрещали отпуска к родственникам и знакомым или отлучки из учреждения, при этом ушедших «снимали с

пайка, который поступал неизвестно куда», а когда инвалид возвращался, он узнавал, что его чуть ли уже не отчислили из учреждения [5].

Со временем, если инвалиду необходимо было отлучиться в город по важным и неотложным делам, то его сопровождала сиделка, в связи с чем комитеты призреваемых неоднократно поднимали на собраниях перед администрацией инвалидного дома и представителями собеса вопрос об увеличении штата обслуживающего персонала [6].

Можно предположить, что значительным событием в жизни инвалидов было посещение их посторонними людьми, поскольку расширение социальных связей даже с представителями обследующих комиссий для людей, фактически запертых в четырех стенах, заметно разбавляло их серую обыденность. Однако отзывы инвалидов о посетителях оставляли желать лучшего: «к нам отнеслись... недружелюбно – вы только ходите и мешаете, а толку никакого нет от вас» [7]. Члены инспекционной комиссии подумали, что такое неприятие свойственно в основном для «беспризорных» инвалидов, с которыми они встретились. Но оказалось, что и инвалиды труда, «люди нового быта», не в восторге от визитов посторонних лиц: «они с нами тоже не хотели разговаривать о том, как им живется, что пользы от этого нет никакой» [8].

Причина недоверия оказалась банальной – инвалиды в очередной раз боролись за свои права и привилегии, только «прочие» требовали уравнивать их с трудовиками и инвалидами войны. А те, в свою очередь, были не согласны с постепенным урезанием их привилегий, жалуясь: «мы боролись, за вас проливали кровь, а нас сравнивают с [беспризорными]». Однако и те, и другие сходились в одном – что бесконечные инспекции нарушают нормальный распорядок и не имеют реального практического результата: «Что вы ходите, польза от вас какая?... Знаем мы... были у нас... и в газете несколько раз писали, однако положение не улучшилось» [9].

Говоря о независимости и возможности распоряжаться своей жизнью, стоит отдельно рассмотреть вопрос о сексуальном поведении в инвалидном доме, поскольку для молодых инвалидов и нетрудоспособных лиц зрелого возраста это была крайне болезненная тема.

С одной стороны, всяческие половые связи в учреждении были запрещены, с другой же стороны, независимо от состояния здоровья, возраста и степени нетрудоспособности для многих инвалидов половой вопрос оставался актуальным. В официальной переписке этот вопрос именовался как «ненормальности в инвалидном доме». В собесы нередко поступали сведения о том, что «инвалид держал в своей комнате проститутку» или «Морозов часто ночью пристает к инвалидкам, нанося им всевозможные грязные назойливые приставания к сожителю с ним». В другой раз возмущенный заведующий сообщал: «был случай, когда инвалидку беременную пришлось отправить для родов в дом матери и ребенка, что... ложится пятном на дом инвалидов» и требовал принять к женщине и к остальным «развратникам» самые суровые меры [10].

Долгое время вышестоящие органы не обращали внимания на подобную информацию, видимо, справедливо полагая, что вмешиваться в личную жизнь инвалидов и престарелых они не должны, отписываясь и перелagая ответственность на месткомы, которые плохо выполняют свою работу. И только когда вопросы сексуального характера вышли за пределы отношений между самими инвалидами, окружные органы социального обеспечения забились тревогой. Причиной послужило очередное обследование краевого и окружного инвалидов домов в г. Томске зимой 1929 г., когда комиссия Горсовета «вскрыла недопустимое поведение и взаимоотношение с инвалидами со стороны женского персонала... систематические половые связи вплоть до открытого сожительства... Некоторые няни и кухарки заделались женами инвалидов... и наделяли их лучшей одеждой, обедом, вниманием и прочим. Особенно обратила внимание на забеременевших от инвалидов двух нянь и на кухарку, которая неправильно распределяла продукты» [11].

После разбирательства всех сторонних участников ситуации немедленно уволили, но «половая проблема» от этого не исчезла, и, несмотря на всяческие запреты и угрозы, инвалиды продолжали тайно встречаться, и тогда заведующие стали устраивать «личные ночные внезапные обходы с целью изжития половых ненормальностей», однако какова была их результативность, оценить пока не представляется возможным, поскольку в архивных материалах соответствующих сведений не сохранилось.

Запрещались даже самые невинные отношения: «трудолик Чепелев Василий неоднократно замечался в ухаживании за инвалидкой Кривицкой Ольгой... обнаружен факт интимного характера» (этим фактом был всего лишь поцелуй двух молодых инвалидов), «замечены в каких-то отношениях инвалиды труда Михеев и Беженцева Анна». Возмущенный местком требовал «принять меры к удалению из дома таких лиц», однако «нарушители» отделались угрозами, что «если еще раз повторится... такой поступок... страхкасса переведет... на пенсию» [12].

Инвалидам разрешались только «серьезные» отношения, которые со временем могли перерасти в брачный союз. В этом случае семейной паре разрешалось остаться в инвалидном доме, как и тем, кто уже пришел вместе с супругом-инвалидом. А вот интимная связь между теми, кто проживал в инвалидном доме и «частными лицами» не допускалась. И если кому-то из инвалидов все-таки удавалось жениться или выйти замуж за пределами инвалидного дома, и об этом становилось известно, таких инвалидов немедленно исключали из инвалидного дома, хотя никаких положений ни в официальном законодательстве, ни в правилах внутреннего распорядка по этому поводу не значилось.

Для самих же инвалидов отношения с противоположным полом были чем-то вроде связи с прежней жизнью, вне инвалидного дома. Там им никто не мог ухаживать друг за другом, и они не могли понять, почему здесь им этого не разрешают. Они переносили свои чувства в инвалидный дом, знакомились, любили, ревновали и даже устраивали драки из-за женщин, потому что интимные отношения для них во многом являлись доказательством полноценной жизни даже после помещения в инвалидный дом.

Думается, особый контроль за «половым вопросом» со стороны администрации был обусловлен действием среди ее представителей распространенного стереотипа о том, что инвалид – это старик, у которого уже не может быть нормальной сексуальной жизни. В связи с этим любое стремление к интимной близости рассматривалось руководством инвалидного дома как «распущенность», «ненормальность» и «разврат», обусловленные «психическим расстройством умственных способностей».

И даже такой толковый заведующий, как Князев из Омского инвалидного дома не удержался, составив акт, что «инвалиды Сагурский Борис и Тихоновская Надежда сошлись для совместного жительства, один другого посещают в палатах, [ходят] вдвоем по деревне, и тем подают дурной пример другим» [13]. За «разнузданность нравов» обычно лояльный Князев предлагал, как любой другой заведующий, исключить Сагурского и Тихоновскую из инвалидного дома без права обратного поступления.

А вот довольно интересная ситуация. Заведующий Омским Окрсобесом Наумов обращался в подраздел охраны материнства и детства Округного отдела здравоохранения с просьбой дать разрешение родильному отделению на производство аборта инвалидки II группы. При этом Наумов приложил заключение гинекологической амбулатории о медицинских показаниях, а от себя добавил, что беременность молодой женщины с инвалидностью «крайне нежелательна... и по социальным показателям» [14]. Нетрудно догадаться, что конкретно имел в виду чиновник. Воспроизводственная функция инвалидов, находившихся в учреждении социального обеспечения, была сильно ограничена. Основным мотивом для того времени было, в первую очередь, опасение, что женщина с инвалидностью может принести нездоровое потомство. С другой стороны, и представители администрации инвалидного дома, и руководство собеса в определенной мере несли ответственность за состояние здоровья инвалидов, которое в процессе беременности молодой девушки могло ухудшиться. Но в случае, когда беременность становилась фактом, ее пытались всячески скрыть, поскольку это свидетельствовало об управленческой некомпетентности заведующего, позволяющего «половые ненормальности» в инвалидном доме и руководства собеса, которое этого заведующего назначило. Были и другие причины – например, фактическая недееспособность инвалидов с умственной отсталостью, которая не позволяла женщине воспитать будущего ребенка и фактически обрекала его на сиротство, с которым с переменным успехом боролась советская власть.

В то же время проблема была в том, что при помещении нетрудоспособных граждан в инвалидный дом не учитывалась степень их дееспособности. Вполне дееспособный инвалид по слуху или получивший увечье на производстве имел право создавать семью, а значит, мог свободно общаться с противоположным полом. Однако по своему правовому статусу он

фактически был приравнен к умственно отсталым инвалидам, которых в учреждения социального обеспечения было не так много, но ограничение их в репродуктивных правах распространялось и на всех остальных. Дифференциальной диагностики инвалидов по степени дееспособности тогда еще не знали, и наличие межполовых отношений в любом случае всячески утаивалось, и в документах об инвалидных домах и домах престарелых за 1930-е гг. упоминаний об этих «ненормальностях» уже не встречается. Хотя дальнейшую судьбу «полового вопроса» следует оставить для специальных исследований.

Итак, возможности самостоятельного развития инвалидов и пожилых людей в инвалидных домах можно охарактеризовать как недостаточные. Обитатели убежищ социального обеспечения не могли управлять своей жизненной ситуацией, о чем достаточно живописно говорят многочисленные попытки администрации инвалидных домов контролировать сексуальное поведение проживающих, организация надзора за теми, кто покидал заведение. Инвалидам не давали возможности «жить, как все», и в вопросах их независимой жизни действительно можно говорить о доминировании принципов медицинской модели, не дающей избавиться от зависимости и ограничений, вызванных инвалидностью. В то же время, как это часто бывает, самоорганизация и саморазвитие через трудовую деятельность позволяли некоторым из инвалидов осуществлять контроль над собственными делами, участвовать в повседневной жизни инвалидного дома и чувствовать себя в психологическом отношении уверенно и комфортно.

Примечания:

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 260 с.
2. Государственный архив Новосибирской области. Ф.р-2004. Оп.1. Д.10.
3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф.р-198. Оп.1. Д.60. Л.42.
4. Там же. Д.72. Л.56.
5. Там же. Д.8. Л.45-45об.
6. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф.р-269. Оп.1. Д.114. Л.62-62об.
7. ГАТО. Ф.р-198. Оп.1. Д.72. Л.104.
8. Там же. Л.104об.
9. Там же. Л.124.
10. Там же. Ф.р-198. Оп.1. Д.60. Л.42об, 120-121
11. Там же. Д.72. Л.90.
12. Там же. Ф.р-252. Оп.1. Д.120. Л.112.
13. ИАОО. Ф.р-1026. Оп.1. Д.132. Л.66.
14. Там же. Д.11. Л.170.

УДК 94 (57)

Проблемы автономии и самостоятельности нетрудоспособных граждан в инвалидных домах Сибири в 1920–1930-х гг.

Александр Сергеевич Ковалев

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Россия
660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Аннотация. В статье на материалах сибирских архивов рассматривается повседневность человека, обеспечиваемого в условиях инвалидного дома в 1920–1930-х гг. Существенное внимание уделяется проблеме сексуального поведения нетрудоспособного населения и его регулированию. Автор делает вывод о том, что обеспечиваемые в учреждении инвалиды и пожилые люди фактически были лишены самостоятельности.

Ключевые слова: автономия; инвалиды; инвалидный дом; независимость; самостоятельность; сексуальное поведение; пожилые люди.